

84(2Рос = Рус)6
К Р55

Олег РИХТЕР

КУЧУМ

Исторический роман в стихах

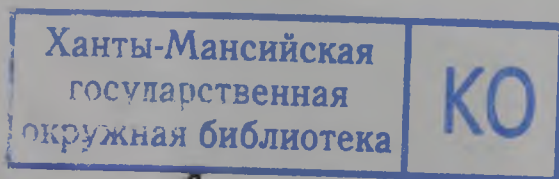

Олег РИХТЕР

КУЧУМ

Исторический роман в стихах

Мандр и К^а
Тюмень

- 74228 -

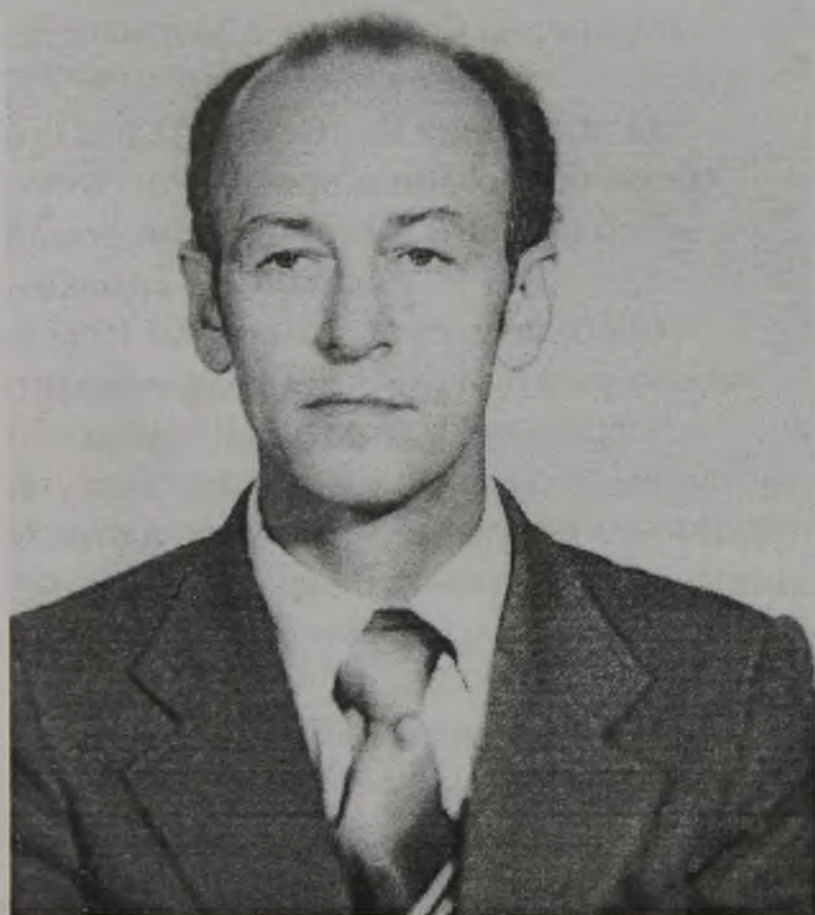

ББК 84. (Рос = Рус) 6-5
P 89
K

P 89 **РИХТЕР, Олег Борисович**
Кучум: Исторический роман в стихах. — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. — 160 с.

- © Рихтер О.Б., 2003.
- © Тугаев В. (иллюстрации), 2003.
- © ЗАО «Запсибгидрострой» (издание), 2003.
- © ЗАО «Компания МТА» (издание), 2003.
- © Мандр и К^а (оформление), 2003.

ISBN 5-93020-158-7

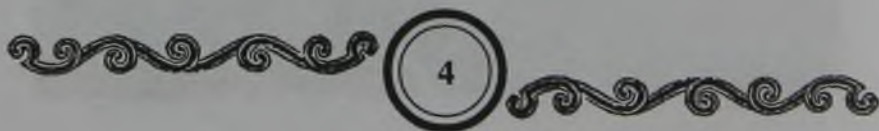
Рихтер Олег Борисович родился в 1933 г. в г. Ростове-на-Дону. Закончил инженерно-строительный институт. Работал в Оренбургской области, Краснодаре, на Сахалине, в Мурманске.

Живет в г. Сургуте с 1977 г.

За последние шесть лет изданы его сборники поэзии и прозы «Россыпь», «Эхо времен», исторический роман «Сказание о Ермаке».

О всех его публикациях до 1997 г. можно узнать из «Библиографического перечня» Центральной городской библиотеки г. Сургута.

Исторический роман в стихах «Кучум» публикуется впервые.

Благодарю генерального директора
ЗАО «Запсибгидрострой»
Виктора Викторовича Гончарова
и генерального директора
ЗАО «Компания МТА»
Александра Владимировича Макарова
за финансовую помощь
в издании данной книги.

Автор

Пролог

Нет в мире пагубнее страсти,
Чем жажда безграничной власти.

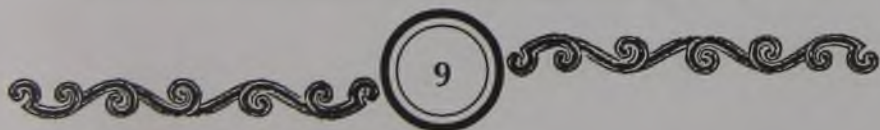

1

В столицу сибирского хана —
К Искеру на склоне горы —
По кочкам коварных болот,
Сквозь дебри дремучих урманов
Спешит озабоченный всадник,
Хлыстом подгоняя коня.

Он скорбно взывает к Аллаху,
Он жаждет и мшенья, и крови,
Он требует кары для тех,
Кто вторгся в чужое владенье,
В улус*, в родовое гнездо,
Спаливши огнем Чинигиду.

«Откуда приплыли они —
Пришельцы в огромных ладьях?
Хотят ли войны или мира?
А может, пограбить хотят
Князей по Туре и Тоболу?
Тогда их накажет Кучум!»

* Помесье.

Он в скорби не может признать,
Что первым напал из засады,
Пустивши с высокого яра
Свои смертоносные стрелы.
Он вызвал ответный огонь —
И тем погубил Чинигиду.

«Скорей бы добраться до цели,
До ската горы, до Искера,
И хану сказать о беде», —
Так думал в пути Епанчá,
Страшась неизбежной опалы,
Хлыстом подгоняя коня.

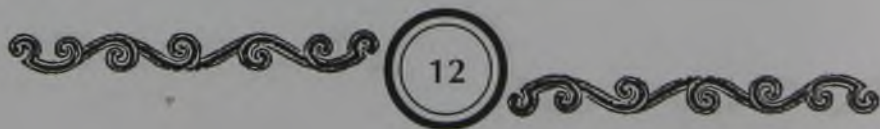

2

Разгневан владыка Сибири,
Готов обезглавить гонца.
«А ну, признавайся, собака, —
Сказал он мурзе Епанче,
Припавшему к ханским ногам. —
Ты струсил, увидев врага?»

«Клянусь головой и Аллахом,
Напал я на войско неверных,
Но тысячи огненных стрел,
Насквозь пробивая броню,
Сразили храбрейших уланов.
Нас мало осталось в живых.

О самый мудрейший из мудрых,
Я жду твоего милосердия!
Как опытный воин в бою,
Могу быть полезен в сраженьях,
Твоих сокрушая врагов.
Так смилуйся и не казни!»

«Живи! Милосерден Кучум,
Живи, если только не врешь!
Иначе своею рукою
Я сердце твое из груди
Железною хваткою вырву
И брошу голодным волкам.

Теперь же мне правду скажи —
Кто наши нарушил границы?
Какому царю я обязан,
Чтоб ратников наглых его
Упрятать в глубокой могиле?
Ответа я жду, говори!»

«О светлый из самых светлейших,
В дороге я встретил Майтмасу.
Он верен тебе и готов
Призвать все улусы Тобола
И двинуться к устью Туры,
Чтоб путь преградить казакам».

«Казачи?! — опешил Кучум. —
Они воевали Тавриду,
Громили Сарайчик ногаев,
Топили персидские бусы
И грабят бухарских купцов.
Зачем же нужна им Сибирь?»

«То ведомо только Аллаху, —
Ему отвечал Епанча —
Спроси, если хочешь, пророков.
Быть может, по звездам они
Узнают о цели вторженья
И тайну откроют тебе».

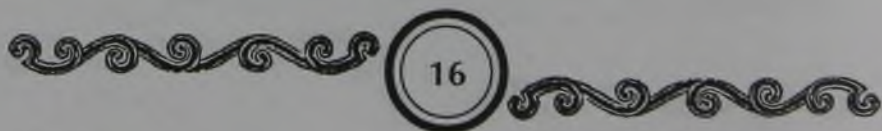

3

Встревожился гордый Кучум,
Воспринял совет Епанчи.
Умерив на время гордыню,
Желая тревогу унять,
Призвал он к себе звездочетов,
Но те вдруг попадали ниц.

«Помилуй, посланец Аллаха, —
Взмолился старейший из них. —
За правду ты можешь казнить,
Так лучше молчать повели,
А сам попроси у эмира
Бухарских уланов прислать.

А сможешь — купи у османцев
Три пушки и зелие* к ним.
Сюда привези их к весне
И выставь на круче Тобола.
Тогда, может быть, Магомет
Неверных повергнет в пучину».

* Порох

«Ну, ты озадачил меня, —
Язвительно молвил Кучум. —
К весне, говоришь, привезти?
Так, значит, не будет войны,
Пока не наступит весна?
Утешил! Утешил, старик!

Опасно со мною хитрить!
Я жду! Говори предсказанье!
А если наврешь, прикажу
К столбу привязать твоё тело,
Лишив бороды и одежды,
И гнусу отдать на съеденье».

«Раз так, то пеняй на себя,
Ты этого сам захотел, —
Угрюмо сказал звездочет. —
Во сне мне привиделся лев,
Лежащий на скате горы, —
Сразил его белый инрог*».

-742.28-

17

* Мифическое существо —

конь с рогом во лбу.

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

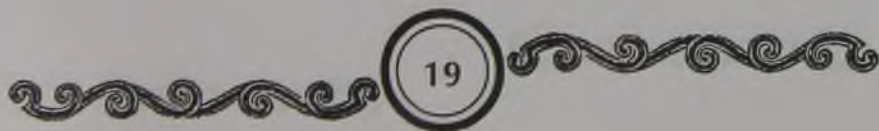

«Кто этот инрог? Говори!
В чем суть твоего предсказания?» —
Вскричал возмущенный Кучум.
«Гора — это место Искера,
Инрог — это русский батыр,
А лев — это ты, повелитель».

Столь дерзкий ответ звездочета
Поверг в изумление двор,
Но хан им остался доволен.
Он думал: «Безумен старик.
Инрог — это миф, а для льва
Нет равного зверя в природе.

Пророчество можно принять,
Оно обернется мне пользой.
Пускай разлетится молва,
Что лев управляет Сибирью.
Я этим свой трон укреплю
И буду врагам недоступен.

Я славных своих сыновей
Немедля к себе позову —
Они и возглавят полки,
Которые я соберу
При помощи стрел золотых,
И вмиг разобью казаков».

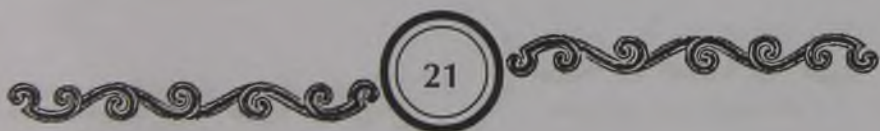

4

На Княжем лугу, под горой,
Где темные воды Тобола
Врываются в бурный Иртыш,
Племянник сибирского хана
Могучий батыр Маметкул
Был занят любимой охотой.

Он сокола в небо пускал,
А сам на степном жеребце
Носился по гуще кустов,
Пугая пернатую дичь,
И тешился словно дитя,
Трофей отбирая у птицы.

С ним рядом бесстрашный Алей,
Кучумова сын и наследник,
Восторженно дыбил коня,
Люлюкал и громко кричал.
И так потешались они,
Пока к ним не прибыл гонец.

«Немедля скачите в Искер, —
Сказал он тайджи* и Алею. —
Явился с Туры Епанча.
Казачков там водная рать,
Извергнув из посохов гром,
Опасный** сожгла городок».

Пришпорили братья коней,
Направив к Чувашской горе,
Где жил воевода начальный
Рубака лихой Маметкул,
Где в летнюю жаркую пору
Была резиденция хана.

«Мы сменим одежду и сбрую***, —
Сказал на скаку Маметкул, —
И явимся, как подобает
По чину и царскому роду,
Чтоб хитрый плешивый Карача
Язвить и хихикать не смел».

* Сан царской крови.

** Сторожевой.

*** Кольчуга, латы и пр.

«Смотри! — вдруг воскликнул Алей. —
У крепости Бицек-тура
Я, кажется, вижу абыза*.
Он руки простер к небесам.
Я слышу, как он завывает
И просит у Бога защиты».

«Глупец и слепец тот абыз —
Он просто напуган набегом.
Казачи — лишь шайка воров,
Они не пойдут на Искер,
Пограбят улусы Туры
И осенью двинутся вспять».

«А если они не уйдут?»
«Тогда их погубит зима,
Сибирская лютая стужа,
Болезни и голод да язва,
А тот, кто останется жив,
Умрет под копытом коня».

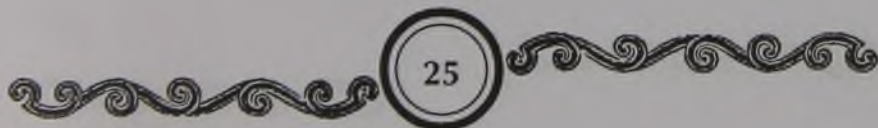

* Служитель ислама.

«Но так ли считает отец?
Ведь нам он не раз говорил,
Что русы первейший наш враг,
Что с белым царем неизбежна
Война не на жизнь, а на смерть.
Мы правду узнаем в Искере».

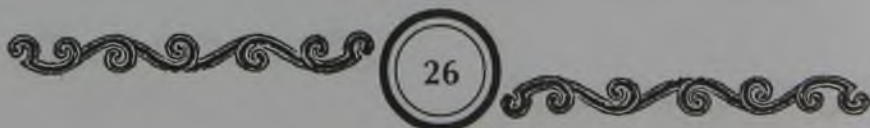

5

Собрались у трона Кучума
Мурзы из ближайших улусов,
И первый советник его —
Злонравный и хитрый Карача,
И юный наследник Алей,
И храбрый батыр Маметкул.

Таясь в гробовой тишине,
Все ждали, что скажет им хан.
А он был задумчив и хмур,
И синие жилы вздувались
На бритой его голове,
На желтой, как древний пергамент.

Поднял он припухшие веки,
Вонзивши свой посох в помост,
И стал говорить свысока:
«Когда-то я сверг Едигера
И брата его Бекбулата —
Презренных потомков Махмета,
Который Ибака убил.

Мой прадед, колено Чингиза,
Властителя грозной Орды,
И сына его Шейбани,
В наследство Сибирь получил.
Но зрела в Тюмени измена —
И предок был зверски убит.

Свершив справедливейший суд,
Я кровью ответил на кровь,
Вернув родовые владенья.
Теперь же понять не могу
Того, кто шипит за спиной,
Меня называя пришельцем.

Мой славный отец Муртаза,
Наследный царевич Ибака,
Когда возмужал в Бухаре,
Ушел в Барабинские степи,
Собрал там кочевников рать
И мне поручил воеводство.

Изгнал я сибирских татар
С гнездовья орла Тахтомыша,
Из древней столицы Тюмени.
Потом по Туре и Тоболу
Вогульских князей покорил
И занял священный Искер.

А вскоре железной рукой
Я сдвинул границы владений
До северных лютых морей,
Где земли полуденных стран
Обложены знатною данью,
Где топим аглицких купцов.

А ныне и Каменный Пояс*,
И весь близлежащий восток,
И юг плодородных земель
Ведут караваны к Искеру.
И тем богатеет казна,
И царство Сибирское крепнет.

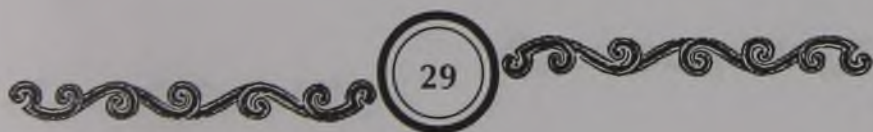
* Уральские горы.

Рискуя своим животом,
Добился я всех привилегий.
Так разве Кучум не велик?»
«Велик! Ты безмерно велик!
О солнце! Награда Аллаха!» —
Восторженно хор прозвучал.

Лукав и хитер был Кучум,
Толкая на льстивые речи
Своих приближенных и слуг.
Он думал: «Пусть вести летят
По диким народам Сибири,
Что он — это Бог на земле».

Он думал: «Язычники чтут
Своих деревянных болванов,
Противятся истинной вере,
Аллаха признать не хотят —
Так пусть убоятся того,
Чья кара страшнее небесной».

Он видел, что лишь Маметкул
И сын его, верный Алей,
Молчат, не поддавшись соблазну.
«Орлята! — подумал Кучум. —
Полки вам водить суждено,
А я уже немощен стал».

Свой взор обратив на льстецов,
Ладонью скрывая усмешку
И шеи обвислые складки,
Чеканя Кучум произнес:
«Я смуту в Сибири пресек!
Теперь мы единый народ!»

«Едины, клянемся Аллахом!» —
Мурзы прокричали в ответ.
А хан вдруг на время умолк.
И все затаили дыханье,
Таясь в гробовой тишине,
И ждали, что скажет Кучум.

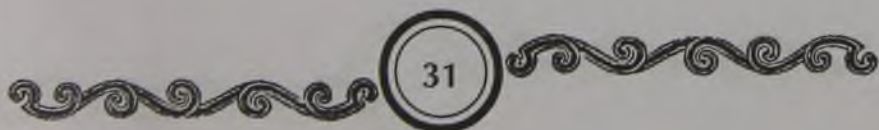

А он все молчал и молчал.
Он думал: «Презренные псы,
Коварная свора шакалов,
Не вы мой надежный оплот,
А те, кто с огнем и мечом
Явились со мною в Сибирь.

Недаром напомнил пророк,
Советуя помощь эмира,
Который, как я, — шейбани.
К нему и отправлю гонца
За сотней узбекских уланов.
Не сможет он мне отказать.

Еще обращусь я к Шигаю,
Великому хану киргизов,
Который обязан мне тем,
Что сделал его государем,
Казахское войско разбив.
Он может две сотни прислать.

Откликнется также на просьбу
Владыка Ногайской орды.
Там дочь моя стала царицей,
Женат на ногайке Алей —
Крепки ныне брачные узы.
Поможет мне сотнею хан.

А пушки возьму у Казани
Тайком от Ивана-царя,
Направив их против него.
На знатных казанских татарках
Я, видно, не зря оженился,
Теперь это на руку мне.

На том я и буду стоять,
О подлом предательстве помня,
О брате Ахмеде-Гирее —
О зяте киргизского хана,
Который лишил меня власти,
Забрав всю Сибирь под себя.

Ему поручил Абдула,
Владыка Бухарского царства,
Чтоб он на опасном пути
Берег знаменитого шейха,
Несущего веру ислама
Для диких сибирских племен.

Ахмеду был строгий наказ —
Немедля вернуться обратно,
Чтоб войско возглавить Шигая,
Пойти на казахов войною,
Убив неугодного хана.
Но не был исполнен наказ.

Ахмед не послушал эмира,
Презрел Муртазы завешанье.
Тогда я и прибыл к Шигаю
И Хакка-Назара разбил.
Шигай не остался в долгу —
Ахмед был зарезан убийцей.

Когда я вернулся в Искер,
То псов покарать собирался.
Но я никого не казнил.
Того пожелала Сузге,
Моя молодая жена,
Царевна казахского хана».

Кучум вдруг невольно вздохнул.
«Сузге — ядовитая радость,
Искусная в песне и танце,
На свете, наверное, нет
Желанней и краше созданья.
Но ей неуютен старик.

Зато Симбулае он мил.
Все годы борьбы и скитаний
Она утешала меня,
Делила со мною печали,
А в ласках была горяча.
Сегодня ее навещу.

Как только закончу собрание,
Велю колесницу подать,
Шелков кызылбашских возьму
И их отвезу Симбулае,
При встрече ее обниму
И ночь проведу в Абалаке.

Там много детей у меня,
Им сладости я привезу,
А сыну, любимцу Канаю,
Булатный кинжал подарю
И длинный бамбук для удила.
Половим с ним рыбу в пруду».

Довольный решеньем своим,
Кучум обратился к совету:
«Вы призваны были затем,
Чтоб волю услышать мою!
Дружны мы с народами юга,
И враг у нас только один.
Вы знаете — это урусы!

Отняли они у Орды
Казань и приволжские степи,
Теперь захотели Сибирь.
Аллах нас годами хранил,
Послав им Ливонские войны,
В которых погрязли они.

Он кару обрушил на них,
Спаливши столицу Москву.
А знаете, с целью какой?»
«О мудрый, ты нас просвети!
Откуда такое нам знать?»
«Так знайте — чтоб вас оберечь!

Чтоб вы отсыпали валы,
Прорыли глубокие рвы,
Свои оградив городки,
Чтоб поняли — в распрях и ссорах
Таится погибель для вас.
Единство — спасенье от бед!

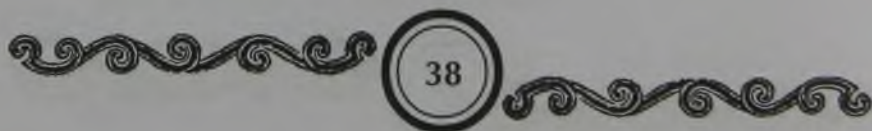

Сбирайте к Искеру мужей,
А стрелы мои золотые
Доставьте во все уголки
Остяцких и прочих князей.
Пусть войско, подобное туче,
Возглавит батыр Маметкул!

А сыну Алею велю
Забрать мою сотню уланов
И тут же отправиться в путь
К свирепым пелымским князьям,
Которые Русь ненавидят,
И с ними напасть на Чердынь*.

Потом по владеньям купцов
С мечом и огнем погуляйте,
Пожгите дома и поля,
Рубите людей без пошады,
Одну половину убейте,
Другую возьмите в полон.

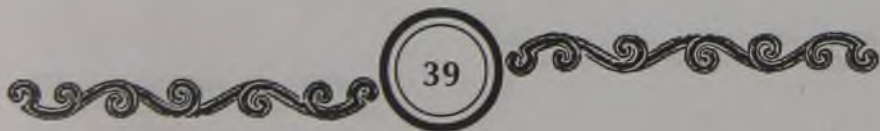

* Русская крепость в Предуралье.

Не бойтесь оружия русов,
Несущего гром и огонь,
Из засек маните стрельцов,
Чтоб вышли сражаться на луг,
А там, словно стадо баранов,
Конями топчите их в прах.

А тех, кто сидит в крепостях
Под грозной защитой пушек,
Кольцом обложите вокруг —
Пусть с голода дохнут они.
Тогда-то, в разрухе и страхе,
Они отзовут казаков».

6

Друга* сибирского хана
Дворцовый мурза Кутугай,
Уткнув свою бороду в прах
У ног самодержца Кучума,
Как раненый зверь возопил:
«Помилуй раба твоего!»

«Я вижу, что ты провинился.
Смотри мне в глаза и не ври.
За правду тебя пощажу», —
Без гнева владыка изрек.
И духом окреп Кутугай,
И начал свой дивный рассказ.

«Со мною случилась беда,
А может, и к лучшему это.
Я в плен угодил казакам,
Когда объявился в Тюмени
С обозом и храброю стражей
Дары собирать для тебя».

* Сборщик налога — ясака.

«Так, значит, вина твоя в том,
Что ты без ясака вернулся?»

«О нет, милостивейший хан,
Я с данников все получил,
И в этом помог мне Ермак,
Могучий батыр казаков».

«Тебе помогли казаки?

Не верится что-то в такое.

А чем занимался Чингыз?»

«Он русичей встретил войною
И пал от великого грома
И дыма из посохов их».

«А ну, расскажи поподробней,
Что слышал и видел ты там?»

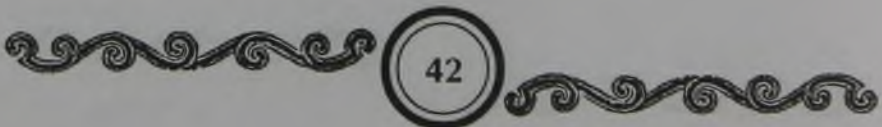
«Я видел ладьи с парусами,
На каждой по двадцать гребцов,
А всех их два раза по сорок
И много груженных плотов.

Ермак меня встретил учтиво,
За стол усадил, угощал
Жарким из нутра лебедей,
И медом, и старым вином,
Подобным тому, что купцы
Тебе доставляют в Искер.

Потом он устроил потеху,
Развесил татарскую сбрую,
Чем очень меня напугал:
Я видел в огне и дыму,
Как бронь пробивалась навывлет
От боя невидимых стрел.

А после просил передать,
Что шлет тебе низкий поклон
И просит прошенья за то,
Что лично к тебе не явился,
Что он поспешает к зиме
Обратно вернуться на Русь.

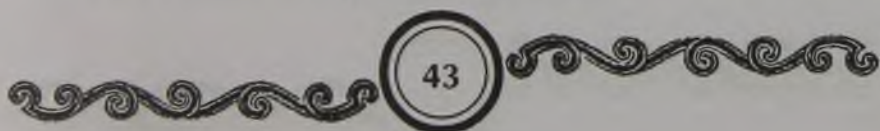

Но чтоб пред тобой оправдаться,
Он шлет дорогие дары:
Трезубец из чистого злата
Как символ могущества трона,
Парчи и шелка и запястья
Для жен ненаглядных твоих».

«Я очень доволен тобой, —
Сказал Кутугаю Кучум. —
Привез ты важнейшие вести:
Ладьи подсчитал казаков
И сколь велико его войско.
За это тебя награжу».

Как только за полог шатра
Убрался ползком Кутугай,
Кучум взял трезубец златой,
Вертел его долго в руке
И думал: «Лукав тот Ермак,
Опасный и опытный воин».

7

Недолго раздумывал хан.
Послал он раба за Карачей
И вызвал к себе Маметкула,
А страже своей повелел
К шатру никого не пускать,
Пока не отменит запрет.

Сначала явился Карача,
Поклоном приветствуя хана,
За ним подоспел Маметкул.
Кучум их встречал по-простому,
Отбросивши маску величья,
Встречал, как желанных гостей.

Он тут же слуге повелел
Нести мангазейские вина,
А также кувшин араки
И всякую сладкую снедь.
И первым сказал Маметкул,
Что пьет за здоровье Кучума.

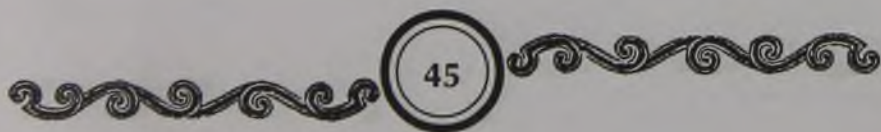

«Здоровье нужнее всего, —
Печально Кучум произнес. —
Теряю я зоркость очей,
Болят и слезятся глаза.
Есть сила в руке, но мечом,
Взмахнувши, могу промахнуться.

Купцы из Бухарского царства
Мне мази везли, но обоз
Ограблен в пути казаками.
Просил я Ивана-царя,
Чтоб мази нашел и вернул,
Но он ничего не сказал.

Я знаю — он зол на меня.
Я в дани ему отказал,
Разбил Лыченицина рать,
Гневясь, посла умертвил.
Теперь же, решив отомстить,
Он сунул в Сибирь Ермака.

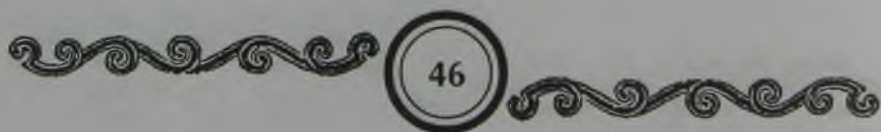

Неглуп этот царский слуга,
Умеет слова говорить,
Приятные уху владыки.
Сказал, будто с миром пришел
И скоро вернется на Русь,
Но верить нельзя Ермаку.

С даругой моим Кутугаем
Трезубец прислал атаман,
А женам парчи и шелка.
Трезубец из чистого злата —
Подарок не малый, а царский,
Но верить нельзя Ермаку.

Когда бы явился он с миром,
То жечь бы не стал Чинигиду,
Заставный острог на Туре,
А в древней столице, в Тюмени,
Чингыза не стал убивать.
Хитер и опасен Ермак.

Недаром татарскую сбрую
Он выбрал предметом потех,
Ее превратив в решето.
Не гостя его Кутугая —
Меня он хотел утратить.
А значит, с войною идет».

«Я принял серьезные меры, —
Заверил его Маметкул. —
Арабских коней табуны
Уже прибывают в Сибирь.
С зари и до самой ночи
Уланов я бою учу.

В острогах и всех городках,
Где жены и дети твои,
Я рвы углубляю по пах,
А землю кладу на валы,
Бойницы для лучников строя,
Чтоб штурм без потерь отражать».

«А что мне расскажет Карача?» —
Спросил с интересом Кучум.
Он знал — его визирь мастак
На выдумки в воинском деле.
Карача глотнул араки
И стал говорить неспеша:

«Недавно я званьем твоим
Бухарских призвал мастеров.
Они из болотной руды
Уже добывают железо,
Умеют и зелье готовить,
Но надобно серу искать.

От всякого глаза дурного
Упрятал я их под горою
На острове Рог Золотой,
За крепкую кованой дверью.
Там делают копья они,
Мечи и защитную сбрую».

«Я думаю, нам не успеть
Ответить огнем на огонь, —
Сказал огорченно Кучум. —
А в этом за Крымом вина.
Я хану Давлету-Гирею
Отказа его не прошу!»

«Не думай, что мы не сильны, —
Карача изрек в оправданье. —
На каждого их казака
У нас будет двадцать голов.
Не хватит им огненных стрел,
Чтоб тьму такую побить».

«На то будет воля Аллаха, —
Мрачняя, промолвил Кучум. —
И если пророк не ошибся,
То вы схороните меня
Без слуг и украдкою тайной
На острове Рог Золотой».

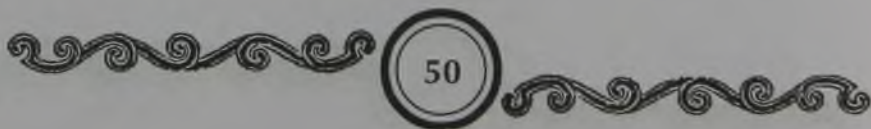

8

Погружен в раздумья Кучум.
О сыне своем, об Алее,
С тревогою он вспоминал.
Уж очень надеялся он,
Что миссию выполнит сын —
Пелымцев натравит на Русь.

Он думал: «Ошибся Иван,
Двуглавый безмозглый орел.
Он крепость Чердынь оголил,
Забрав пушкарей и стрельцов
На бойню в Ливонской войне.
Быть может, возьму я Чердынь?»

Он думал: «Ошибся Иван,
Отправив в Сибирь казаков.
Он этим все пермские земли
Оставил без всякой защиты.
Спохватится глупый Иван
И вмиг отзовет Ермака.

А если Алей победит,
То власть утвердится моя
По Каме до самой Печоры.
Я там черемису* возьму,
Свирепую против царя,
И с нею пойду на Казань».

Увы, заблуждался Кучум:
Был в выборе волен Ермак,
Ивана-царя презирал
И слыл воровским атаманом.
Он клятву дружине давал,
Целуя кровавую саблю.

Не мог догадаться Кучум,
Что дерзкий, лихой атаман,
Спасаясь от царского гнева,
За Каменный Пояс увел
Товаришей, верных ему,
Мечтая о царстве казачьем.

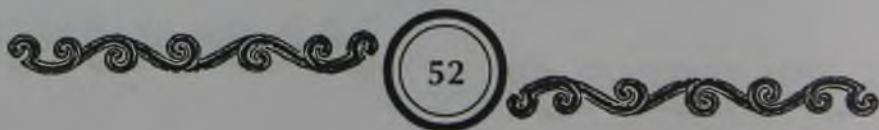
* Марийцы.

Ушли благодатные дни,
Когда вся татарская знать,
Смиренная властью Кучума,
Жирела в улусах своих
И нежилась в ласках наложниц,
Забыв, что бывает война.

Иные пришли времена.
Томила Сибирь ожиданьем,
Кричали встревоженно совы,
А ночь озаряла Тобол
Огнями от тысяч костров —
И небо казалось кровавым.

Уже августовское солнце
Катилось за гушу лесов,
Как вдруг два десятка уланов
В одеждах, обрызганных кровью,
Галопом промчались к Искеру
Сквозь толпы орущих людей.

«Урусы, казаки идут!
Бывать неизбежному бою!» —
Гремел многотысячный стан.
И гул тот услышал Кучум.
Он вышел на берег Тобола
И шурил слепые глаза.

Уланы, заметив владыку,
Вдали осадили коней,
А их воевода Каскара,
Могучий в плечах и в груди,
Без страха приблизился к хану,
Хотел говорить, но упал.

Упал он под царские ноги
Лицом на горячий песок,
Подняться хотел, но не мог:
Он был весь побит и изранен.
Кучум догадался — Ермак
Прорвался в Тобол из Туры.

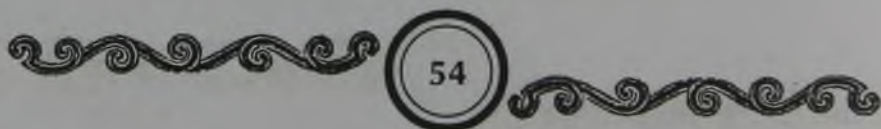

10

Над раненым телом Каскары
Всю ночь хлопотали табибы*,
Которых приставил Кучум.
Медвежье сало и мази,
Настои, отвары из трав
Вернули побитому силы.

Очнувшись, он стал говорить:
«О том, что плывут казаки,
Майтмаса, Варваре и мне
Сказал Епанча-погорелец.
Потом прибежали тюменцы,
Сказав, что Чингыз умертвлен.

Тогда из отрядов князьцов,
Уланов и черных людей
Собрали мы тысячу войска
И путь преградили ладьям
У узкого места Туры,
Чтоб стрелами бить по врагу.

* Врачи.

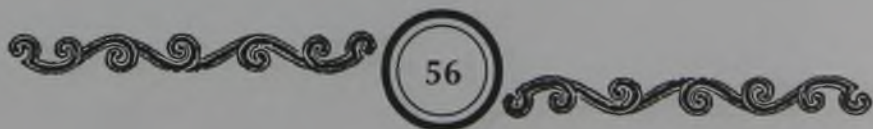

Но их головной атаман
Лады развернул к берегам
И стал дожидаться темна.
А ночью его казаки
Украдкой на берег сошли
И в землю зарылись по горло.

Хотели мы выманить их
Под дождь многотысячных стрел,
Одних перебить, а других
Конями по полю топтать.
Но русы сидели в земле
И злили нас смехом и бранью.

«Сдавайтесь! — кричали мы им. —
Иначе в могилах вам гнить,
Которые вырыли сами.
Целуйте сапог господину!»
А русы кричали в ответ:
«Сначала нас в зад поцелуйте!»

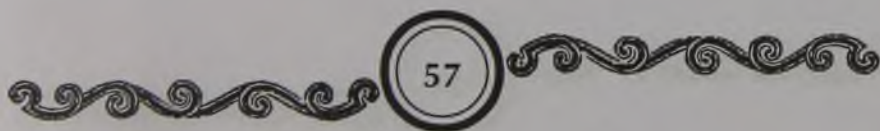

Потом вышел в поле абыз.
Он руки к Аллаху простер —
Просил образумить неверных.
Но крикнули русы: «Абыз,
Зачем свинье ухо обгрыз?»
Тогда-то мы ринулись в бой.

Но в лица блеснули огни
И гром, словно кара небес,
И замертво падали люди,
А кони топтали живых.
Металась от страха толпа,
Подобная стаду баранов.

Майтмаса, Варвара и я
Пытались вернуть беглецов,
Хлеща их по спинам кнутами,
Но тратили силы напрасно.
Нет прока от черных людей —
Не могут они воевать.

Их многих казаки побили,
Нешадно рубили с плеча.
Потом наловили коней
И насмерть с уланами бились.
В той рубке Варвара погиб,
А я вот остался в живых».

«А где воевода Майтмаса?» —
Спросил озабоченно хан.
«Майтмаса у устья Тавды
С остатками храбрых уланов,
Он ждет подкрепления сил
И смотрит, чем занят Ермак».

«Так, значит, Ермак на Тавде?! —
Вскричал возмущенно Кучум. —
Ты прав — вы, как стадо баранов,
Которых резать легко.
Но как удалось Ермаку
Без боя пройти по Тоболу?»

«Там было немало боев
С участием моим и Майтмасы —
Сначала за наши улусы,
Которые с боем он взял,
Потом на яру Караульном,
Где город опасный стоит.

Твой страж есаул Алышай
Узнал, что зачем-то Ермак
Спуститься спешит по Тоболу,
Вступая в бои неохотно.
Быть может, он рвется в Искер,
Желая сберечь казаков?

Умен есаул Алышай:
Он там, где круты берега,
Где узкое русло реки,
Железную цепь протянул,
Чтоб в кучу сбежались ладьи
И были доступны для стрел.

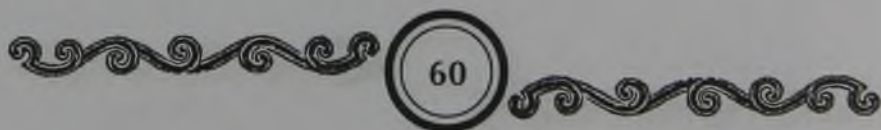

В кустах на высоком яру
Устроены были засады.
С воды на него не забраться —
Для штурма негоден тот яр.
Хорошую сделал ловушку
Твой верный слуга Алышай.

Но был и Ермак не дурак —
Он хитростью нас победил,
Разведав, что цепь на реке,
Связал он из таловых прутьев
Пучки в человеческий рост,
Одев их в казачьи кафтаны.

В ладьях, что приплыли к цепи,
Стояли одни чучела,
А те, кто сидел у руля,
Укрылись надежной защитой.
Не зная о хитрости той,
Пустили мы тысячи стрел.

И чуду дивились бойцы:
Живыми стоят казаки,
И в воду никто не упал,
Пронзенный стрелою насквозь.
И тут нам ударила в спину
Казачая рать Ермака.

Мы бились в неравном бою,
И сотни изрубленных трупов
Остались лежать на яру,
Другие попадали в воду,
И их уносила река.
Немногим спастись удалось.

Желая уланов сбечь,
Храбрый Майтмаса и я
Пробились сквозь строй казаков
И в поле на конях ушли.
С остатком разбитого войска
Явились мы к устью Тавды.

А цепи Ермак разорвал
Напором тяжелых судов,
Ударив единой скопом.
Найдя безопасное место,
Раскинул он стан у Тавды,
Хоронит и лечит людей.

Я прибыл тебя известить,
Чтоб ты подготовиться мог
К защите своих городов,
Чтоб горькую правду узнал,
Насколько опасен Ермак.
Теперь, если хочешь, казни».

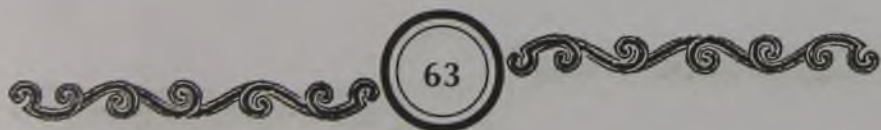

Проснулся не в духе Кучум.
Ломотой корежило тело
И мучили рези в глазах.
Вздыхнув тяжело, он подумал:
«Устал, надоело мне все,
Но власти лишаться нельзя.

Скорей бы пришел Маметкул.
В беседе развею тоску,
Спихну ему юных алтаек,
Которых зятек подарил.
Они мне теперь ни к чему,
Хоть очень пленительны телом.

И к женам не тянет меня,
Послать бы их всех к матерям,
Чтоб стало поменьше забот.
Но нет, это делать нельзя:
Нарушатся внешние связи,
Добытые тяжким трудом.

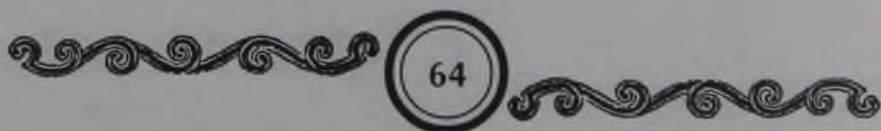

А эта змеюка Сузге,
Которая в сердце сидит,
Как рыба со мной холодна,
Насмешками жалит, как гнус.
На цепь бы ее посадить,
Но дело того не велит.

Недавно бухарский ахун*
Мне книгу привез — «Бытие»,
Подробно прописано в ней,
Что царь Иудеи Давид
И мудрый еврей Соломон
Юницами кровь молодили.

В постель свою каждую ночь
Они по наложнице клали
И тем продлевали года
И силу свою не теряли...
Не стоит, наверное, мне
Алтаек дарить Маметкулу.

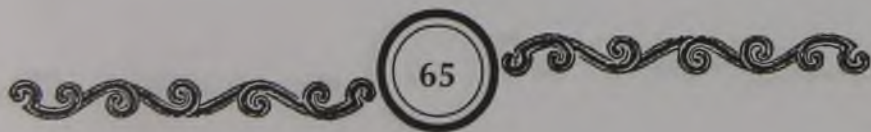
* Поэт-певец.

Резвиться с юницей легко,
Наложнице хочется жить,
Одежды иметь из шелков,
Восточную сладость поестъ
Из рук своего господина —
И старость его не заметить.

А эта ехидна Сузге
Смеяться над немощью может.
Я слышал, что Грозный Иван
Царицу в пруду утопил.
Быть может, решиться и мне
Жену утопить в Иртыше?

Я хан, я могуч и жесток,
Я судьбы людские творю,
Могу пожалеть и казнить
Любого, кого захочу.
Могу! Но бывает — нельзя!
Цена — государство мое.

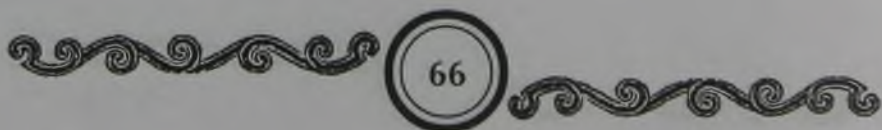

К примеру, сидит у Туры
Тархан, ожиревший дурак.
Я трогать не должен его —
Он сборщик налогов эмира.
Но жирную эту свинью
Я с радостью сам бы зарезал.

Никто не сказал, что Ермак
Случайно не видел его.
Уверен — меня он чернил
И, чем я богат, рассказал.
Он мстит за законный ясак
Со всех его черных людей.

Скорей бы пришел Маметкул...
Скажу ему сразу о том,
Какой я тревогой объят,
Как близок к Искеру Ермак,
Что надо бы встретить его
Подальше от нашего дома.

Скажу, чтобы конницу взял
И выбрал бы ратное поле,
Где есть развернуться коням.
Там пешую рать казаков
Побить не составит труда.
Но взять бы живцом Ермака».

В то утро тайджи Маметкул
Привел под Чувашскую гору
Уланов из гвардии хана,
Дал место на Княжем лугу,
Велев джигитовкой заняться,
А сам поскакал на Искер.

В пути он догнал Таузака,
Подручника хана Кучума,
Которому хан поручил
Собрать у вогулов ясак,
А после, в дороге обратной,
Побольше язей наловить.

Увидев тайджи, Таузак
Коня своего осадил,
Коснулся рукою до лба,
Потом ее к сердцу прижал,
Отвесив низжайший поклон,
И выразил бурную радость.

«О слава Аллаху, что ты
В тяжелый мне встретился час, —
Сказал Таузак не моргнув
Веселым прищуренным глазом. —
Боюсь, что моей голове
Сегодня сидеть на колу».

«Что так? В чем причина тому?
Какая вина за тобой? —
Игриво тайджи спросил. —
Скажи, пока есть голова».
«Вина моя в том, что пленен
я был на Тавде Ермаком».

Опешил тайджи Маметкул —
Ответа такого не ждал —
И вздыбил коня под собой.
«Ермак на Тавде, говоришь?
Ты что, обезумел, холоп?
Я шулки такой не прошу!»

«Какие тут шутки, когда
Я в руки попал казаков
И думал — убитому быть.
Язей я для хана ловил,
Да только поймать не успел —
Поймали меня казаки.

Доставлен я был к Ермаку.
Обнял он за плечи меня,
Сказал, что я гость дорогой,
Спросил, не болеет ли хан?
Здоровы ли жены его?
Потом пировать усадил.

Он честно рассказывал мне
О трудном пути на Тавду,
О том, как Майтмасу побил,
Как в прах Алышая поверг,
Но только за то, что они
Ему навязали войну.

Затем попечалился он,
Сказал: «Припозднился я тут,
Застанут, боюсь, холода,
Спешу возвратиться на Русь —
Затем и пробился к Тавде,
Здесь день или два отдохну».

Жалкует честнейший Ермак,
Что хана не смог навестить.
Желая загладить вину,
Поминки* богатые дал,
Я ими арбу завалил,
А мне подарил он кафтан».

* Подарки.

В Искер Маметкул прискакал
Растерянным, хмурым и злым.
Как только вошел он в шатер
И низко пред ханом склонился,
Тот сразу тоску разгадал,
Но стал о другом говорить.

«Тебе я алтаек не дам.
Худы и малы они ростом.
Боюсь, передавишь ты их».
Расширил глаза Маметкул
И рот в удивленье открыл.
«Не понял — о чем это ты?»

«Сказал, что не дам — так не дам!
Решил — самому пригодятся».
«Да я ведь тебя не просил:
По горло наложниц своих!
Скажи: кто тебе нашептал,
Желая посеять раздор?»

«Ну ладно. Я просто шучу.
О деле теперь говори.
Я вижу — известно тебе,
Как близок к Искеру Ермак.
Я все от Каскары узнал,
А ты — от какого гонца?»

«Сказал мне о том Таузак,
Тебе он поминки привез
И низкий поклон Ермака.
Ермак ему в уши надул,
Что, мол, припозднился он тут,
Пора и на Русь поспешать».

«Быть может, и правда уйдет? —
В сомненье сказал Маметкул. —
Тавдою и Лозьвой... Но там
На войско Алея нарвется
И свору пелымских князьцов.
Он может вернуться сюда».

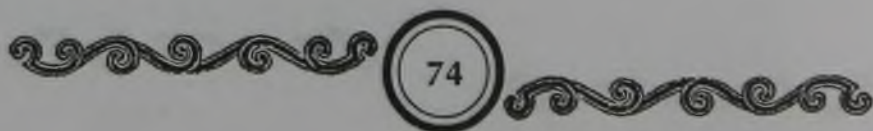

«Я думаю — брешет Ермак,
Дурачит, чтоб нас усыпить, —
Сказал раздраженно Кучум. —
На худшее будем смотреть.
Ты выступи завтра с утра,
Чтоб встретить его в Бабасанах».

«Сегодня Кучум не в себе, —
Подумал тайджи Маметкул. —
Сначала алтаек приплел,
Потом Бабасаны избрал.
Согласен, что нужен поход,
Но надо идти на Тавду.

Быть может, Ермак и не врет.
Близки холода и снега
И жгучий сибирский мороз.
Где спрячет от стужи людей
И пищу для войска найдет?
Уверен — он мыслит о том.

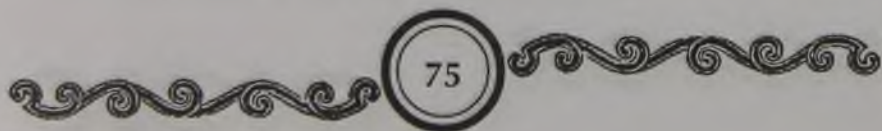

Уверен — он знает уже,
Что тьма* у Искера стоит.
Рискнет ли ввязаться в бои,
Людей и себя погубив?
Когда я приду на Тавду,
Ему станет проще решать».

«И долго ты будешь молчать?
Я вижу — ты чем-то смушен, —
Сказал озабоченно хан. —
Я верю как сыну тебе,
Я знаю, что верен мне ты.
Поэтому правду скажи».

«Прости, если что-то не так, —
Кучуму сказал Маметкул. —
Ты мне заменяешь отца,
Твой опыт я очень ценю,
Но только позволь возразить —
Зачем в Бабасаны идти?»

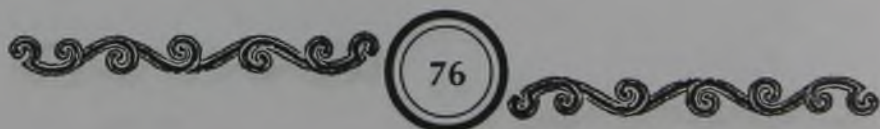
* Войско в 10 тысяч воинов.

Я войско к Тавде поведу,
И если замыслил Аллах,
Чтоб битвою нас испытать,
То пусть это будет вдали
От дома владыки Сибири.
Искером нельзя рисковать».

«Согласен, но только учти —
Ермак разгромил Алышя
Своим превосходством ума.
Он опытный, хитрый вояка.
Вдруг случай тебе подвернется —
Поймай мне живцом Ермака».

Настало ненастное утро,
Но слово сдержал Маметкул.
Он тысячу храбрых уланов
По тропам повел на Тавду.
Он думал: «Каков тот Ермак?
Наверное, прорва в бою».

С товерстный извилистый путь,
Которым ясачных овец
Кочевник гоняет в Искер,
Которым с поклажей арбу
Таскает ленивый ишак,
Без поприщ* тайджи одолел.

Уланы — в поту и в пыли —
Одежды срывали с себя,
К Тоболу направив коней,
И прыгали в чистые воды.
А их голова Маметкул
Отправился сразу на Юрт**.

Заохал мурза Бабасан,
Упал бороденкою в грязь,
Оскалив от радости рот.
Потом торопливо вскочил
И полог отдернул рукой,
Впуская в шатер Маметкула.

* Путь между привалами.

** Городок мурзы.

«Нагрей мне в тагане воды,
Неси араку и еду.
Я ночь проведу у тебя,
А утром пойду на Тавду,
Чтоб в стане застать Ермака», —
Сказал Бабасану тайджи.

Но вдруг задрожал Бабасан,
И жилы надулись на лбу,
И в страхе сказал он тайджи:
«Лазутчики мне донесли,
Что стан свой покинул Ермак
И вниз по Тоболу плывет».

Мгновенно вскочил Маметкул,
Таган опрокинув с водой,
Одежду и сбрую надел
И быстро к реке поскакал,
Кляня и ругая себя,
Что вверх не направил дозор.

А там уже слышался гам,
И вот что увидел тайджи:
Уланы плывут по реке
Верхом на своих жеребцах,
И путь преграждают ладье,
В которой гребут казаки.

«Удача! — решил Маметкул. —
Кучуму отправлю полон.
Обрадую я старика,
Пусть вволю потешится он».
Но вдруг помрачнел Маметкул.
И вот что увидел тайджи:

Оттуда, где скрыта река,
Где русла крутой поворот,
Вся грозная рать Ермака
На голых уланов плывет.
И вспыхнули сотни огней,
И все потонуло в дыму.

«Скорее седлайте коней,
Быстрее взбирайтесь на яр,
Вас гром не достанет в степи, —
Уланам кричал Маметкул.
И ярость душила его,
И вот что увидел тайджи:

На узкой прибрежной косе
Бурлила людская кипень.
Кто мог, тот из ада бежал,
Иные — лежали убиты.
Проклятья и ржанье коней
Взрывали таежную тишь.

Казачи ломились на штурм,
Ладьями втыкаясь в песок,
И сотни сверкали клинков,
И много слетало голов.
Не выдержав пешего боя,
Уланы ушли на луга.

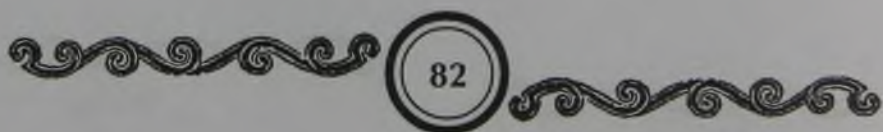

Темнели уже небеса,
И ночь опускала вуаль,
Но в поле стоял Маметкул,
Он слушал, вникал и смотрел
Туда, где был вражеский стан,
Где вспыхнули сотни костров.

Он думал: «Займетса заря,
Лавиной сомну казаков,
В полон никого не возьму
И по полю всех растопчу,
А голову их Ермака
В Искер на копье принесу.

Как только забрезжил рассвет,
В атаку уланы пошли.
Отчетливо видел тайджи,
Как строем стоят казаки.
Он думал: «Какие глупцы!
Я мигом ряды их сомну!»

Но вдруг начались чудеса —
Исчезла казачья рать,
И будто разверзлась земля,
Извергнув смертельный огонь.
И тут же разбилась в прибой
Волна окровавленных тел.

Отхлынула конница вспять
И снова в атаку пошла.
Увидел тогда Маметкул,
Что все Ермака казаки
В глубокой копани* сидят,
Засекой** себя защитив.

Хотел он пробиться им в тыл,
Но яр за спиною был крут.
Теряя людей и коней,
Пять дней он в атаки ходил.
Потом поредевшее войско
Обратно увел на Искер.

* Траншея.

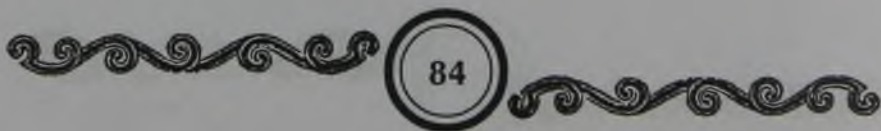
** Защитное укрепление из стволов деревьев.

Туманом застлало глаза,
Как только услышал Кучум,
Что славный батыр Маметкул
В Искер возвратился побит.
«Аллаху я чем-то не гожд», —
Подумал расстроенный хан.

Коран он велел принести,
Но тщетно пытался читать,
Он думал: «Как время летит...
Уже пожелтели листы,
Давно не вникал я в суры,
Быть может, за это наказан?»

Шайтан! Где погибель моя?
О чем говорил звездочет?
О том, что на скате горы
Он видел убитого льва.
Как видно, послал мне Аллах
Инрога в лице Ермака».

Ударил в ладоши Кучум,
Призвал палача и сказал:
«Иди звездочета иши,
И, если старик еще жив,
Сруби ему голову с плеч
И на кол ее насади».

Ударил в ладоши Кучум,
Призвал он раба и сказал:
«Я слышал: есть знатный шаман,
Он с духами будто в ладу.
Ко мне ты его приведи —
Узнаю судьбу у него».

Прошел в ожидании день,
И ночь пролетела без сна,
А утром Кучуму в шатер
Шамана втолкнули силком.
Он голову гордо поднял
И к ханским ногам не упал.

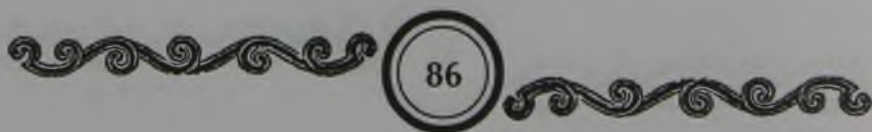

Взъярился Кучум и сказал:
«Как смеешь, презренный шакал,
Владыку Сибири не чтить?
Быть может, тебе невдомек,
Что казни уже заслужил?
Я жду! Отвечай-ка, болван!»

И вот что ответил шаман:
«Известно мне все о тебе.
Ты наших богов осквернил,
Ругал своих старых богов,
Творил обрезанье князьям,
Шаманов в болота загнал.

А мог бы шаман Муггади
Беду от тебя отвести,
Но духов ты всех возмутил,
Теперь они против тебя.
Казни, если хочешь, но я
Тебе отомщу из небес».

И вдруг испугался Кучум
И голосом тихим спросил:
«Ты можешь сказать мне о том,
Какая беда надо мной?»
«Могу! Ты покинешь Искер
И в степи уйдешь навсегда!»

Отпущен был смелый шаман.
Ударил в ладоши Кучум,
Призвал палача и сказал:
«Пусть долго живет звездочет!»
«О радость людей на земле —
Его голова на колу».

Умерил гордыню тайджи.
Он понял — победе не быть,
Когда неразумной толпой
Уланы летят на врага,
Который умен и хитер
И бьет из засеки огнем.

Ему дан хороший урок
Вблизи Бабасановских юрт.
Он вспомнил давнишний рассказ
Мурзы из Ногайской орды,
Который в набегах на Русь
По Дикому Полю* ходил.

То поле, как стол сатаны,
Там только ковыль да репей,
И пешему гибель грозит
От тех, кто верхом на коне.
Но выдумкой были сильны
Гулящие в нем казаки.

* Поле между Волгой и Доном.

Они зарывались в копань,
Таскали цепочки телег,
Назвав их гуляй-города.
Телеги не хуже засек —
За ними скрывались они,
Чтоб конных татар отражать.

Теперь понимал Маметкул,
Что этот удачный маневр
Известен давно Ермаку.
Он ныне имеет успех,
Уланов атаки отбил,
Упрятав в земле казаков.

И вот что подумал тайджи:
«Я тоже построю заслон
В подножье Чувашьей горы
И к ней не пушу Ермака.
Побью его тучами стрел,
Когда он в атаку пойдет».

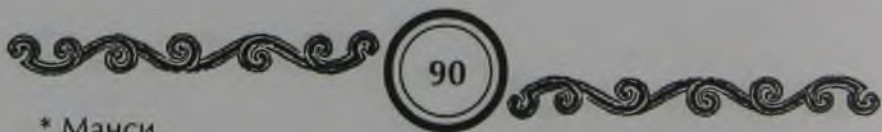

Холодным ветрилом октябрь
Тела леденил до костей.
Где кров и горячий очаг?
Он здесь — на Чувашьей горе.
Внизу же, на Княжем лугу,
Дрожат в зипунах казаки.

«В крови захлебнется Ермак, —
Кучуму сказал Маметкул. —
Он сам надоумил меня,
Как можно его победить.
Пусть только поможет Аллах,
А главное сделаю сам.

Готов и вогул*, и остяк**
Любую атаку отбить.
Туги саадаки у них —
Нет стрелам каленым числа.
Они за засекой сидят,
Ее не осилит Ермак.

* Манси.

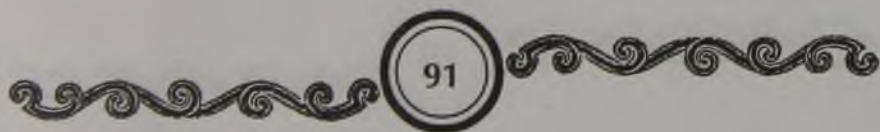
** Ханты.

А наших уланов пока
Решил я в резерве сберечь,
Как только враги побегут,
Они их сумеют добить».
Гордился задумкой тайджи,
Одобрил Кучум его план.

И вот наступила пора —
Всходило светило небес.
Спустился к засеке тайджи,
На гору взобрался Кучум.
Похож он на коршуна был,
Который присел отдохнуть.

Он шурил слепые глаза,
Пытался хоть что-то узреть,
Но слезы мешали ему.
Тогда он рабу приказал:
«Смотри и рассказывай мне,
Что там происходит внизу».

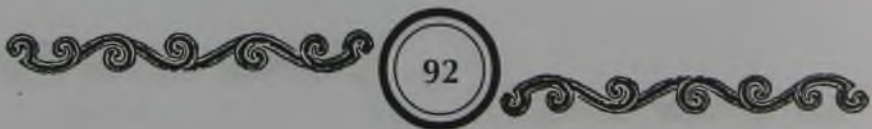

«Я вижу — казаки пошли, —
Ему стал рассказывать раб. —
Из таловых прутьев шиты
У каждого в левой руке,
А в правой — оружие их,
Которое пышет огнем.

Но пользы от выстрелов нет.
Казаки не могут пробить
Засечную толщу бревна,
Зато их разят остяки
В упор частопадами стрел,
Шиты пробивая насквозь.

О счастье! Победа у нас!
Как зайцы казаки бегут!
Их спины мелькают в кустах!
В засеке проходы пробив,
Вогулы им кинулись в след,
Чтоб копьями трусов колоть.

Но что это?! Вспышки и гром!
Там сотни гремучих огней!
Убитых я счесть не могу.
Козаки обратно бегут
И рубят вогулов с плеча,
И с ними в засеку вошли.

Но вдруг Маметкул-богатырь
Могучей преградою стал.
Он скачет на белом коне,
В его всемогущей руке
Как молния блещет клинок.
Он бьет без пошады врага!

Из страшной людской тесноты
Доносятся звоны мечей,
И бьется булат о булат,
И искры летят как снопы,
В ходу и бердыш, и копье,
А палицы бьют черепа.

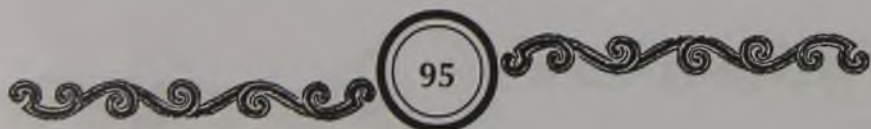

Я вижу — сорвали враги
Зеленое знамя твое
И тут же на длинных шестах
Знамена воткнули свои.
Из них я одно разглядел —
Там Бог христианский с крестом.

Я вижу, как всадник с мечом,
Могучий и крепкий в плечах,
С размаха разит остяков
И храбрых уланов твоих
И прорвой стремится к тайджи.
Я думаю — это Ермак.

О свет моих рабских очей!
Я предан и верен тебе.
Пошли меня к засеке той,
Змеєю я к ней подползу,
Врагу твоему Ермаку
Воткну меж лопаток стрелу.

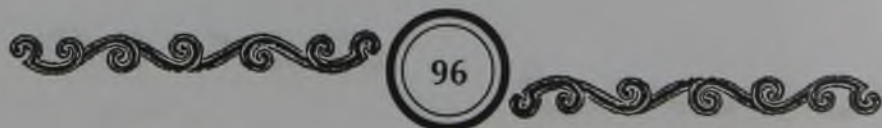

О что это?! Где Маметкул?
Без всадника мечется конь!
О горе! Он наземь упал!
Уланы отбили его!
Как куль понесли на Тобол,
Где скрыта ладья в тальнике.

Смятение в наших рядах.
Остались бойцы без вождя,
И храбрость покинула их.
Вогулы на гору бегут,
А следом бегут остяки,
За валом укрылись они.

Одни лишь уланы твои
В строю отступают к горе.
Теперь ускакали за вал
И штурма казачьего ждут.
Но те на засеку ушли,
Костры разожгли и едят».

Унынье, сомненья и страх
Терзали владыку Сибири.
Орленок его Маметкул
Израженный где-то лежит,
И нет от Алея вестей,
И сам он на узника схож.

Какой еще новый обман
Готовит злохитростный враг?
Он цепи обманом порвал,
Побив на яру Алышай,
Поминками* сеял обман,
Обманом и засеку взял.

Теперь же сидит и сидит
И что-то еще замышляет,
На штурм не желая идти.
Не хочет ли хана пленить?
Скажу-ка рабу своему —
Пусть конь наготове стоит.

* Подарки.

Позвал он раба и сказал:
«Коня моего вороного
Немедля к крыльцу подведи,
А после того принеси
Кумган с подогретой водой —
Пора совершить омовенье».

Молитву Кучум прочитал
И тут же забрался на трон —
Его возвышенья из досок,
Покрытых тигровой шкурой.
Позвал он раба и сказал:
«Карачу ко мне приведи».

Карача как туча был хмур.
Он злобой горел к Ермаку,
Который неделю назад
Разграбил его городок,
Где были полны закрома
Душистого свежего меда.

Карача вошел и сказал:
«Я рот бы порвал Ермаку
И меда налил до ушей,
Чтоб сдох, захлебнувшись, злодей.
Он золото забрал с серебром,
Но меда мне более жаль».

«Твоя-то беда — не беда.
В беде государство мое! —
Сердито промолвил Кучум. —
Подумай-ка лучше о том,
Как живу властителю быть
И трон за собой сохранить».

«Ой, худо, светлейший Кучум,
Сидишь ты в просторной избе,
Она из толщенных осин,
В чувале пылает огонь,
Здесь лютый не страшен мороз,
Но с этим надолго прости!»

«Зачем ты пугаешь меня? —
Вскричал возмущенный Кучум. —
Ты лучше меня не гневи,
А то в этой самой избе
Плешивой лишу головы.
Ты должен мне выход найти».

«А выход один у тебя —
Скорее вскочить на коня
И с гвардией храброй своей
Немедля отбыть на Искер.
На небе ни звезд, ни луны,
Ермак не заметит побег».

«Зачем ты торопишь меня? —
Спросил удивленно Кучум. —
Ведь бой не проигран еще,
Казачи на штурм не идут.
Их тоже немало слегло,
А вдруг и отступят они?»

«Предчувствие гложет меня,
Тревога, что что-то не так...
Сидят неспроста казаки,
Опять нас обманет Ермак.
Не хочется пойманным быть,
Уж лучше в степи кочевать».

«Уже ты не думный визирь,
А глупый, безумный старик!
Я верю узбекам своим
И страхом твоим не горю.
Пойдем, постоим в стороне,
Послушаем, что говорят».

И вот что услышал Кучум,
А с ним и советник его:
«Уруссы! — задира кричал. —
Вы к нам забрели помирать?
Мы рады помочь свинопасам,
Жерушим нечистое мясо!»

Урусы! Где ваш атаман?
Мы голову срубим ему,
Кобыле привяжем за хвост
И будем таскать по пыли!
А вас, саранчу из Руси,
Потопчет великий Кучум!»

«Ты слышал?! — Кучум ликовал.
Он взял над Карачею верх. —
Давай-ка вернемся в избу,
Дождемся в покое утра.
Тут ветер пробрал до костей,
А там, у чувала, тепло».

Но длился недолго покой —
Тревога вползла на порог.
Явился к Кучуму улан,
Склонился к ногам и сказал:
«Лазутчика я заловил.
Со стана казачьего он.

Тайком он пробрался на вал.
Сначала вогулов смушал,
Потом остяков возмутил,
А идоломольцев с болот
Далекой реки Васюган
Смутить не успел до конца».

«Веди на дознание его», —
Улану Кучум повелел.
Лазутчик вошел не страшась,
Спины перед ханом не гнул
И храбро сказал: «Я, Тасман,
Тебя ненавижу, Кучум».

«За что же не люб я тебе?
Скажи мне, безмозглый баран,
Пока голова на плечах».
«Ты слепнешь от жадности, хан, —
Ответил бесстрашный вогул. —
Ясак твой безмерно велик!»

«За что же Ермак тебе люб?»
«Он — Ойка великий батыр!
Он падать к ногам не велит,
Он чтит деревянных богов
И ласков с такими, как я.
Сказал — будет малым ясак».

«В узилише бросьте его,
Пускай до утра доживет,
А мне обеспечьте покой», —
Сказал утомленно Кучум.
Но длился недолго покой —
Тревога вползла на порог.

Явился к Кучуму улан,
Склонился к ногам и сказал:
«О радость живых на земле,
Вогулы покинули нас,
А следом ушли остяки.
Предательство в царстве твоём!»

Не стал дожидаться утра
Властитель Сибири Кучум.
Он кликнул уланов своих,
Взнуздал вороного коня,
Шайтаном назвал Ермака
И в ночь поскакал на Искер.

Ворвался в Сибирь зимовой,
От лютого моря задул,
Дохнул на могучий Иртыш,
Покрыв его воды шугой,
Прошелся по скату горы
И стужею лег на Искер.

Кучум придержал скакуна,
Взглянул на столицу с холма,
Хотел разглядеть минарет,
Но снова слезились глаза.
В досаде он плетью взмахнул
И к тыну направил коня.

На трубные звуки рожка
Со скрипом открылись врата.
В землянках проснулись рабы,
Даруги, табибы, мурзы.
Они выбегали во двор
И в изморозь тыкались лбом.

В Искере помимо шатра
Была у Кучума изба,
Где долгою зимней порой
Он сиднем сидел до весны,
Приблизивши трон к очагу,
И правил Сибирью в тепле.

Укрылись от стужи в избе
Кучум и советник его.
Охапкой березовых дров
Уже был заполнен чувал,
И весело вспыхнул огонь,
Но только тоску не изгнал.

На трон взгромоздился Кучум
И выплеснул горечь в словах:
«К осаде Искер не готов,
В нем нету запасов еды,
Обложит нас завтра Ермак,
И сдохнем от голода тут.

Ты жен всех моих собери,
Арбы загрузи серебром,
Каменья и злато возьми,
Собольи и куны меха.
Мы сразу отправимся в путь,
Уйдем зимовать в Абалак.

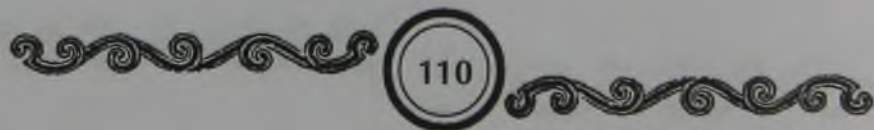

Как всякий эмир или хан,
Восточной страны государь,
Гордился гаремом Кучум.
Красавиц из разных племен,
Умеющих петь и плясать,
Он ревностно сам подбирал.

Селил он их скопом в Искер,
Чтоб ночью не спать одному,
А жен расселил по холмам,
По разным своим крепостям.
Он изредка их навещал,
Но много детей наплодил.

Теперь к Симбулае привел
Толпою наложниц и жен,
Но не было с ними Сузге —
Несчастной, последней любви.
Она не стерпела позор
И в сердце вонзила кинжал.

Осталась отрада одна —
Не умер батыр Маметкул.
Его привезли в Абалак,
Пробитого жиглом* насквозь,
Он в умные руки попал —
Его Симбулая спасла.

Варила отвары она
Из чудо-травы луговой
И ими поила тайджи,
И в рану вливала настой,
И ночь проводила без сна,
Молилась, взывая к Аллаху.

Воспрянул в надежде Кучум:
Непросто орленка убить.
Он телом силен и могуч,
Он станет, как прежде, парить
На белом своем скакуне —
И в прах обратит Ермака.

* Пуля.

И вдруг долгожданная весть
От сына Алея пришла.
С Пелыма гонец прискакал,
И вот что услышал Кучум:
«Татар и вогулов Алей
На русов сумел возмутить».

За Камень по волчьей тропе
Он войско провел на Чердынь,
Но крепость не смог одолеть —
Полвойска от пушек слегло.
Тогда по владеньям Перми
Прошел он с мечом и огнем.

Он варницы соли громил,
По Каме и Сылве-реке
Острогов посады* спалил,
Поля урожайные сжег,
Побил стариков и детей
И в рабство увел молодых».

* Поселок вне городской или крепостной стены.

Утешил Кучума Алей
Разбойным набегом на Пермь.
Затеplилась вера в душе,
Что слухи дошли до Москвы,
Что царь не потерпит разбой
И вмиг отзовет Ермака.

Заслал он в Искер к Ермаку
Ногайца — слугу своего.
Велел там неделю пожить,
Сказав, что вернулся домой,
Что хан негоден ему,
И выведать планы врага.

Как только неделя прошла,
Слуга в Абалак прибежал
И вот что Кучуму изрек:
«Ермак поселился в избе,
Но трон разломал на куски
И сделал из досок скамью.

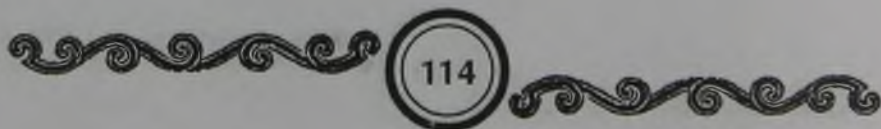

А там, где стояли шатры,
Домов появились ряды
И флаг, на котором инрог
Бодает свирепого льва.
С улусов татары идут,
Привозят ясак Ермаку.

Явился с Тавды Ишбердей,
С Тобола богатый Суклем,
За ними арба за арбой,
В них рыба и мясо зверей,
И мягкая рухлядь* в кулях,
И есть бурдюки с аракой».

«Не хочет Иван Ермака
Обратно на Русь отзывать, —
Подумал с досадой Кучум. —
Пошлю я к Алею гонца —
Пусть снова на Пермь нападет,
Толкнет черемису на бунт».

* Пушнина.

Слуга, завершая рассказ,
С опаской Кучуму сказал:
«Меня привели к Ермаку,
Дознанию подвержен я был.
Не знаю, поверил ли он,
Что войско твое велико».

«А что за толмач* у него —
Не мой ли предатель из мурз?» —
Кучум, разъярившись, спросил.
«Не нужен толмач Ермаку, —
Кучуму ответил слуга, —
Он знает татарский язык».

* Переводчик языка.

Ударил сибирский мороз,
Попрыталось в норы зверье,
Зарылись в снега косачи,
Приникли к чувалам* враги —
Не время ходить на войну,
Все пору весеннюю ждут.

Но ожил батыр Маметкул,
Отвары подняли его.
Он сало медвежье ел,
Он кушал оленье мозги,
Он пил араку и кумыс
И прежнюю силу вернул.

Он днями покоя не знал,
Он маялся в тесной избе,
Он жаждал вскочить на коня
И кровью за кровь отомстить.
Он случая верного ждал —
И вскоре дождался его.

* Открытый очаг с глинобитными стенками.

Подпрыгнул, как барс, Маметкул,
Когда от разведки узнал,
Что ночью пришли казаки,
Чтоб в озере рыбу ловить,
В которой царевич Кунай
Все лето ловил карасей.

Он тут же Кучуму сказал:
«Две сотни уланов беру
И скоро все двадцать голов
Безмозглых и наглых глупцов
В подарок тебе привезу.
Да пусть мне поможет Аллах!»

Как туча тайджи налетел
На малый отряд казаков,
Да только не сразу сумел
Отвагу осилить числом.
Не всех удалось перебить —
Один ускакал к Ермаку.

Победа ли это была?
Полсотни уланов своих
В бою Маметкул потерял.
Убитых взвалив на коней,
Направился он в Абалак,
Но только добраться не смог.

Настиг его в поле Ермак
На резвых степных скакунах,
Которых оставил Кучум,
Когда из Искера ушел.
Не выдержал битвы тайджи
И, бросив убитых, бежал.

Страстями бурлил Абалак.
Под утро Карача исчез
Пять сотен уланов своих
Увел он на Тару-реку.
А следом сбежали мурзы,
Которых приблизил Кучум.

Кучум Маметкулу сказал:
«Я в степь ухожу кочевать.
В верховья уйду Иртыша,
Где нету таких холодов.
А летом обратно вернусь,
Чтоб бить казаков по частям.

Наложниц и жен мне не жаль,
А жаль Симбулаю одну.
Отправлю ее в Бухару —
Пускай там без страха живет
И вырастит наших детей.
Со мной будет только Кунай.

К нему прикипела душа,
Люблю его больше других.
Опорой он станет моей,
Кормильцем слепого отца.
Я знаю, что он не предаст
И будет защитой моей».

Умолк опечаленный хан,
В глубоком раздумье сидит.
Он думает: «Войско собрать
Поможет эмир Абдула.
Верну я священный Искер
И беглых шакалов казню».

Он думает: «Годы не те...
Вот так же отец Муртаза
Скитался на старости лет,
Но все же успел и вернул
Потерянный в юности трон
И стал властелином Сибири».

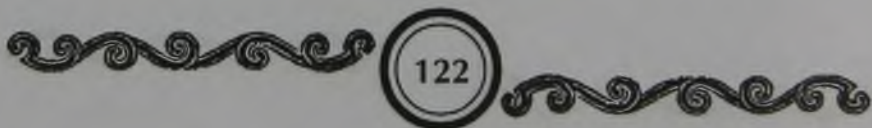

Не бросил Кучума тайджи,
Он верен остался ему.
Он всю Барабинскую степь
За лето сумел обойти,
Кочевников всех посетил
И их соблазнил на войну.

Пришел он зимой на Вагай,
Лазутчиков всюду послал,
Узнал, что Карача сумел
В ловушку к себе заманить
Отряд атамана Кольцо
И ночью их спящих убил.

Потом он в засаду засел
И мстителей стал поджидать.
Дождался и всех перебил
И скрылся за Тарой-рекой.
Скудели ряды Ермака,
Но Русь на подмогу пришла.

Пришли с воеводой стрельцы —
Прислал их Иван из Москвы.
Но голод их быстро сморил,
И снова Ермак ослабел.
Однако ходил по Тавде,
По Конде и даже на Обь.

Он все племена покори́л,
Присягой на верность связал.
Побил и пелымских князей
В краях, где Алей пребывал.
Ясак с них немалый собрал,
Меха переправил царю.

«Нельзя больше время терять, —
Сказал Маметкулу Кучум. —
Мы можем Сибирь отобрать,
Пока не явилася Русь.
Немедля к Искеру иди,
Внезапность подарит успех».

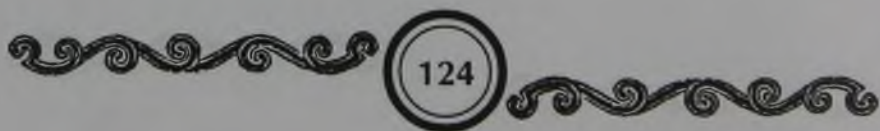

Но был у Кучума мурза,
Который обиду таил
И хана хотел наказать.
Подслушал Сенбахта Тагин,
О чем хан тайджи говорил,
И тут же сбежал к Ермаку.

Пошел Маметкул на Искер,
А на ночь устроил привал.
Подкралась к нему казаки,
Вломились к батыру в шатер,
Скрутили, связали его —
И смылись, пришпорив коней.

Заплакал от горя Кучум
И клятву кровавую дал —
За беды свои отомстить.
Он в горе Аллаху сказал:
«Не буду я голову брить,
Пока не убью Ермака».

Кто страшен народам своим,
Тот многих боится всегда.
Кучум подозрителен стал,
Он стражу свою укрепил,
Приставив гвардейцев к шатру, —
Убивцев боялся Кучум.

Людей деревянных богов
Кучум беспощадно казнил
И даже тайбугских татар
Подальше держал от себя.
Он знал, что злохитрый Ермак
Их лаской к себе приручил.

Он знал, что уже казаки,
Законы Востока приняв,
По несколько жен завели.
Их братские узы крепки
С князьями сибирских племен,
И крепнет казачая власть.

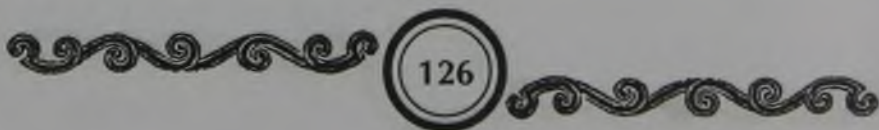

Он знал, что Москвы государь
Подарки прислал Ермаку,
А значит, и рать подойдет.
Он смог бы Искер захватить,
Но только Алей далеко,
И в плен угодил Маметкул.

Он знал, что любимец-батыр
Потерян теперь навсегда.
Его увезли на Москву,
Отдали Ивану-царю.
Быть может, его голова
Уже на высоком колу.

Он знал — Бекбулатова сын
Лютует и мезтью горит
За то, что отца и семью
Он твердой рукой истребил,
Но жив оказался Сейдяк —
Младенца тайбуги спасли.

Почуял Кучум, что судьба —
Кружить в Барабинской степи.
Но будет он рядом ходить
И часа великого ждать,
Мольбами Аллаха просить
Помочь загубить Ермака.

Он знал, что недаром Ермак
Избрал для похода Иртыш.
Замыслил он хана поймать
И рыщет по всем городкам,
Но словно сквозь пальцы вода
Уходит добыча из рук.

Он знает — мурза Елыгай,
Который владыку не чтит,
Считал, что знатнее его,
Что выше Саргачика род,
С поклоном пришел к Ермаку
И дочь ему в жены привел.

Задумался хан: «Почему
Подарок Ермак отклонил,
Красавицу в жены не взял?»
Он сыну Алею хотел
Сосватать ее у мурзы,
Да только отказ получил.

Подумал Кучум: «Ермаку
Женитьба сейчас недосуг:
Он болен желаньем одним —
Великого хана пленить.
Но эта затея пуста —
Я волен, как беркут в степи».

Злорадствовал хитрый Кучум —
Поддался Ермак на обман,
Покинул на время Искер,
Чтоб встретить бухарских купцов.
Поверил, что будто бы хан
Загнал караван на Вагай.

Поплыла казачая рать
По многим протокам прошла,
Но сгнули будто купцы.
И понял Ермак, что Кучум
Его заманил неспроста
И ходит кругами за ним.

Он бросил пустую ходьбу,
Собрался вернуться в Искер,
Но тут разыгралась гроза
И шквал на ладьи налетел.
Он к острову сразу свернул
И, выйдя на берег, сказал:

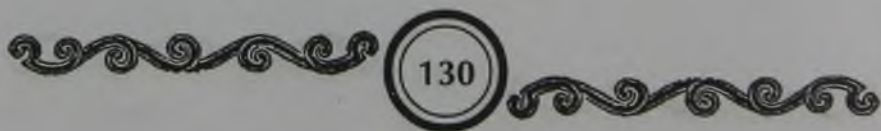

«Браты, здесь устроим ночлег,
Закрепим жгутами ладьи,
А рядом устроим постель,
Побольше ветвей настелив,
И, пологов пять растянув,
Вся сотня уместится в ней.

Но спать караулу нельзя:
За лесом есть берег другой,
Отсюда его не видать.
Всю сбрую оставьте как есть,
Чтоб время смогли не терять,
Когда вдруг появится враг».

Сказал и улегся Ермак
Под пышной высокой сосной.
Двойную броню он не снял,
Себя парусиной прикрыл,
Пытался уснуть, но не мог
И слушал тревожную ночь.

А буря шумела в ветвях,
И гром грохотал в небесах,
И грозно бурлила река.
«Пора!» — дал команду Кучум.
Уланы осилили брод
И скопом рванулись на стан.

И взвился мгновенно Ермак,
И взвились его казаки,
И слом не удался врагу.
Отбит был мечами напор,
На струги забрались братья
И звали к себе Ермака.

А он набежавших татар
Тяжелым мечом сокрушал
И трупами берег покрыл.
Потом на лесину вскочил
И прыгнул с лесины на струг,
Но вдруг, поскользнувшись, упал.

Упал он в бурлящий поток,
В стремнину Вагая-реки,
И выплыть из бучи не смог —
Кольчуга, что царь подарил,
На дно утащила его.
А буря ревела над ним...

Вблизи от Епанчинских юрт,
Где берег волною размыт,
Рыбачил татарин Яныш —
Он ставил в реке перемет.
Вдруг видит — торчат из воды
Сафьяновых два сапога.

Он ловко забросил петлю
И тело на берег втащил —
И понял, что это батыр
В медяной кольчуге утоп.
Он сразу позвал Кайдулу —
Мурзу, что в соседстве живет.

Недолго гадали они,
Кого им Иртыш подарил.
По сбруе узнали легко,
Кто мертвым рекою приплыл.
И радость была велика —
Аллах им принес Ермака.

И стали они раздевать
Батыра великой Руси,
И панцири стали делить,
Но чудо повергло их в страх:
Из носа и рта Ермака
Живая вдруг хлынула кровь.

Янышу сказал Кайдула:
«Пред нами нетленный лежит —
Он божий посланник небес.
Его водрузим на лабаз,
Гонцов по улусам пошлем
И тело святое почтим».

Сбежались татары на Юрт
С колчанами жертвенных стрел,
И каждый по телу стрелял,
Воздавши святому почет.
Живицей бежала из ран
Нетленная алая кровь.

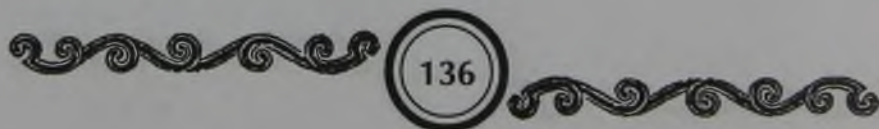

И так три недели лежал
Ермак на лабазе нагим,
Но птицы летали вдали,
Не смея коснуться его.
И ворон-вещун стороной
Пугливо его облетал.

Янышу сказал Кайдула:
«Не будем его погребать,
Он так же, как знатный шаман,
С воздушной стихией един.
Мы небу его отдадим,
Всевышним небесным богам!»

Яныш Кайдуле отвечал:
«Ты что, про Аллаха забыл,
Припомнив древнейший обряд?
Виденье мне было вчера —
Явился Ермак предо мной
И требовал, чтоб погребли».

«Быть может, и правда твоя, —
В раздумье сказал Кайдула. —
Лежит на лабазе Ермак —
И духом стал грозным для нас.
Один из татар, что стрелял,
Сегодня лишился ума».

Их спору конец положил
Прибывший с уланами хан.
Не стал он стрелять в мертвеца,
А выслушал всех и сказал:
«С почетом заройте его
В могилу, где шейхи лежат».

Исполнили хана наказ
Абызы, мурзы и князя —
И стали поминки справлять.
Зарезали десять овец
И тридцать забили быков
И жарили их на кострах.

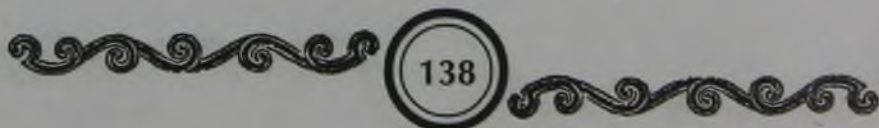

Хвалебные песни врагу
Ахуны слагали всю ночь,
Абызы твердили мольбу:
«Аллах, возроди Ермака
На землях татарской орды
И сделай эмиром его».

А каждый улусный мурза
Просил Кайдулу об одном —
Реликвии все поделить.
Не алчность сжигала татар,
А вера, что вещь Ермака
Удачу в бою принесет.

Калмыцкий тайши Байбагул
Просил ему панцирь продать
За двести быков и коров,
И тысячу рунных овец,
И лучших пятьсот лошадей,
И десять семей ясыря*.

* Пленники.

Паломники с разных краев
К могиле пошли Ермака.
Там брали шепотку земли,
Бросали в серебряный чан,
Ее заливали водой
И пили целебный бальзам.

А многие, там побывав,
Другим говорили шепча,
Что зрели вершину чудес —
Как к небу вздымается столб
Подземной стихии огня,
А свечка не плавясь горит.

И слава росла Ермака,
И наполнилась слухом земля,
И с завистью думал Кучум:
«Ермак не умрет никогда.
А я буду памятен тем,
Что в смерти его виноват».

Весной от пелымских князей
Вернулся царевич Алей
И видит — ворота в Искер,
Болтаясь, скрипят на ветру,
В Искере одно воронье,
И нет ни отца, ни людей.

Сходил он в Епанчинский юрт,
Где встретил его Кутугай.
Он горькую правду сказал,
Что бродит отец по степи,
Боится вернуться в Искер —
Сейдяк уже с войском в пути.

Одна только радость у них,
Что нету в живых Ермака,
Что в горе казаки ушли,
Главу своего потеряв,
Которому хитрый Кучум
За беды сумел отомстить.

Не стал дожидаться Алей
Прихода Сейдяка в Искер.
Он знал, что погибель несет
Ему Бекбулатова сын,
Что он никогда не простит
Убийства отца и семьи.

Нет силы, чтоб встретить его
И дать ему нужный отпор, —
Без войска вернулся Алей,
Лишь сотня уланов при нем.
Решил он отправиться в степь,
Где бродит бездомный Кучум.

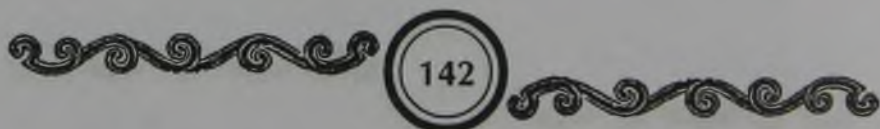

Костистый и жилистый хан
Как беркут кружил по степи.
Улусы и все городки
Он быстро подмял под себя.
Он к югу ходил зимовать,
А лето на Таре встречал.

Сбегались татары туда,
Что были Кучуму верны,
И волчьи шапки с голов
Срывали пред ханом они.
И все, что узнала Сибирь,
Кучум от татар узнавал.

Узнал он — эмир Бухары
Сейдяка в Сибирь снарядил,
Велев ему силой вернуть
Искер, что Кучум потерял.
Узнал, что Карача теперь
Советником ходит под ним.

Узнал про Ивана-царя,
Что Богу он душу отдал,
Что в гневе большом перед тем
Наследного принца убил,
Что занял престол его сын,
Совсем обделенный умом.

Узнал, что за царской спиной
Правителем стал на Руси
Татарин Борис Годунов,
Что он Маметкула сманил
И вотчину знатную дал.
В Сибирь же послал воевод.

Узнал, что Майтмаса, мурза,
Храбрый с Тобола вассал,
Что путь преградил Ермаку,
В войне живота не жалел,
Теперь с воеводой царя
В Сибири возвел города.

Узнал, что смеются над ним
Поганые псы-казаки —
И рот у татар до ушей, —
Они говорят, что Ермак
Ударил Кучума под зад
И сбил навсегда с куреня*.

Ушел на зимовку Кучум,
А к лету на Тару опять,
Но видит — там крепость стоит,
Опасный казачий острог,
И пушки глядят из бойниц.
Кучум постоял и ушел.

Ушел он в свой давний улус,
В верховья реки Иртыша,
В Куларах раскинул свой стан,
Улегся и думал: «Теперь
Сибирское царство мое —
Одна Барабинская степь».

* Полуземлянка с отверстием в крыше для выхода дыма.

И вдруг Маметкула гонец
В Куларах его отыскал.
Писал Маметкул, что Борис —
Из знатного рода татар,
Который у власти стоит,
Кучума готов защищать.

Он волость большую сулит,
Но может в Искер возвратить
Покорным великой Руси.
Подумал Кучум и сказал:
«Тайджи передай на словах —
Мне воля дороже всего!»

Не мог примириться Кучум
С ударом превратной судьбы:
Он сил молодых не шадил,
Великое царство создал,
Не сам он покинул Сибирь,
А Русь отобрала ее.

Как демон злорадствовал хан,
Когда к нему слух долетел,
Что трона лишился Сейдяк
И ныне в Москву увезен,
Что подлый Карача пленен —
Скрутили его казаки.

А хан оказался мудрей —
Его не коснулся позор.
Он в честном повержен бою,
Но волю свою сохранил.
Он может продолжить борьбу,
И в этом великая цель!

Гордился собою Кучум —
Не тратил он дни напролет
В забавах прелестных юниц.
Он беркутом в поле парил,
Он коршуном дичь добывал —
Улусы в кулак собирал.

Он даже рукою махнул,
Отказ получив Бухары
В посылке узбекских улан.
Сослался коварный эмир
На то, что с Хорезмом война,
Что каждая сотня в счету.

Пошел он к ногайским мурзам,
Но те проявили вражду
За то, что земель их лишил.
Тогда он к Нарыму пошел,
К владениям Пегой орды*,
Чтоб с ними напасть на Сургут.

* Селькупы.

Но Воня, селькупов мурза,
Без страха Кучуму сказал:
«Меня не осилил Ермак,
Но с белым царем воевать
Теперь станет только дурак.
Другого союза ищи».

Тогда он к калмыкам пошел —
Желал заключить договор,
Чтоб сделать на Тару набег.
Но те отказали ему
За то, что стада воровал,
И сильно побили его.

Он снова вернулся на Обь,
Вдоль Черной реки кочевал —
Татар собирал на войну.
Не мог успокоиться хан,
Что Тару-реку потерял,
Хотел у Руси отобрать.

Узнал воевода царя,
О чем помышляет Кучум,
И хана велел изловить.
Черкас, атаман Ермака,
Что в Таре служил головой,
На розыск повел казаков.

Нашел он кочевника стан.
Полдня продолжалась сечь.
Два брата Кучума слегли,
Два внука, князья и мурзы
И триста гвардейцев-татар.
Кучум же за Обь убежал.

Иные остались в плену:
Пять младших его сыновей
И восемь цариц молодых,
Полсотни уланов и пять
Сановников высших чинов.
Так был обездолен Кучум.

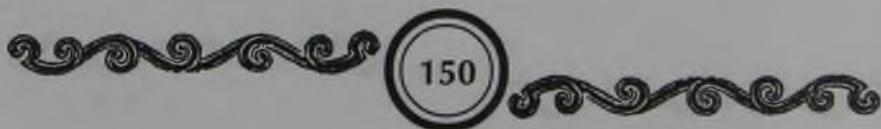

Хватало у хана ума,
Чтоб в плен самому не попасть,
Во многих бывал он боях,
Немало боев проиграл,
Но в битву старался не лезть,
Чтоб в нужное время удрать.

За Обью в тальник он залез
И слушал — звенят ли мечи?
Два сына к нему подгребли
И тридцать татар на ладьях.
Там ночи дождались они,
Чтоб к месту побоища плыть.

Приплыли, костры разожгли
И мясом убитых коней
Набили битком животы.
А утром, прогнав воронье,
Своих хоронили людей,
Но был неподвижен Кучум.

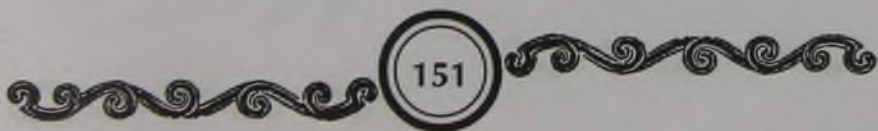

Он думал: «Я жив и здоров,
А значит, хозяин степи.
И власти другим не дано.
Пошлю к Кожбахтыю гонца —
Коня попрошу подарить
И шубу, а то я замерз».

Он думал: «Я плен избежал,
А значит, подняться смогу.
Пройдусь по всему Иртышу
И войско себе соберу.
А чтобы его прокормить,
Стада у калмыков возьму».

Он думал: «Создать нелегко,
Но можно легко потерять...
Остался в Москве Маметкул,
К нему я и мать отпустил.
Ах, если б тайджи прискакал —
Я многое смог бы вернуть».

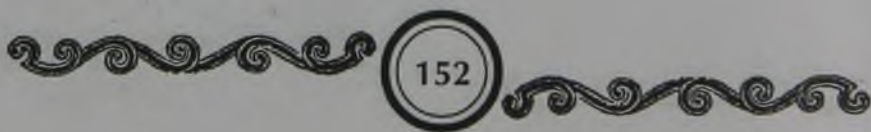

Покинул меня и Алей
И пишет теперь из Москвы,
Чтоб бросил бродить и страдать,
Чтоб прибыл к нему на покой.
Но рядом со мною Кунай —
Он верен и в бедах отцу.

Мне нужно Куная сберечь,
Чтоб дело продолжил мое.
Отправлю его в Бухару —
Пусть радует старую мать.
Лишусь я последних утех,
Но дело превыше всего.

Теперь я цариц потерял,
Не жаль мне потери такой —
Обузою стали они,
Ни проку от них, ни тепла.
Была б Симбулая со мной,
Делили бы беды вдвоем».

Не мог успокоиться хан.
Он снова кружил и кружил,
Как старый стервятник в степи, —
Добычи нетрудной искал.
Писали мурзы в Бухару,
Просили Кучума смирить.

Был в гневе эмир Абдула —
Он мира Барабе желал.
Он мурз из Ногайской орды
К высокому трону позвал
И тех, кто Кучума берег,
На плаху велел увести.

Об этом не ведал Кучум
И волком по полю гулял,
Частенько к калмыкам ходил
И стадо от них угонял.
Калмыки озлились всерьез
И в прах растоптали «волков».

К ногаям Кучум прибежал,
Защиты у них попросил:
«Укройте на время меня,
Я стар, я ослеп и ослаб».
Но тут же ничтожнейший раб
Кинжал ему в сердце вонзил.

Оглавление

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	52
Глава 10	54
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	72
Глава 14	77
Глава 15	84
Глава 16	88
Глава 17	90
Глава 18	97
Глава 19	107

Глава 20	110
Глава 21	116
Глава 22	120
Глава 23	122
Глава 24	125
Глава 25	129
Глава 26	134
Глава 27	140
Глава 28	142
Глава 29	146
Глава 30	150

РИХТЕР Олег Борисович

КУЧУМ

Исторический роман в стихах

Иллюстрации Владимира Тугаева

Книга издана по заказу
ЗАО «Запсибгидрострой»
(генеральный директор В.В. Гончаров)
и ЗАО «Компания МТА»
(генеральный директор А.В. Макаров)

Корректор Тиунова Н.В.

Подписано в печать 12.05.2003 г.
Формат 75х90/32. Гарнитура «Оргіта».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.-печ. л. 6,25. Тираж 1500. Заказ №1186.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 5-93020-158-7

9 785930 201581

120-00

KO

KHANTY - MANS OKRLIBRARY

004787

2001

